

Москва
Гос. театр
мариинский

лись не люди, а заводные куклы. Такою предстает перед нами эта дискотека в начале спектакля.

Театр не скрывает своего к ней отношения: здесь не весело, безрадостно и одиноко. Но как же сделать так, чтобы «все были вместе и всем было хорошо»? Вопрос этот, обращенный Ведущим к залу, безусловно, относится уже не только к дискотеке, смысл его гораздо шире.

И тогда нам предлагают игру, нечто вроде мысленного эксперимента, условия которого мы узнаем из вступительного монолога Ведущего (арт. К. Райкин), а именно: вместе с актерами постараться заглянуть в душу каждого посетителя дискотеки, чтобы понять причины его одиночества. Что и говорить — столь серьезная задача: как сделать так, чтобы «все были вместе и

Карин), который шатается, по-этим делом», и на этой же основе предлагает всеобщее единение. Логика его проста, как винная пробка: без неустанной измучивающей деятельности людей, дежурящих с 11 до 19 часов у винно-водочных отделов магазинов, в общегосударственном бюджете образовалась бы солидная брешь, а посему им надо памятки ставить, а не принимать меры общественного воздействия.

Любительница ясности (Л. Строева) стоит за одинаковой мыслью и поступком, а также танцевальными движениями. Военизированный танец, иллюстрирующий ее логику, показывает, к чему может привести подобная «ясность».

Непримиримая (М. Голуб) считает, что все зло — от мужчин, поскольку они иначе

статичным, а временами и бедным их содержанием, ибо смысл большинства примеров ясен заранее. Понятно и без доказательств, что ни пьянство, ни всеобщая регламентация, ни «крестовый поход» женщин против мужчин к людской общности не приведет. А потому зритель оказывается в положении ребенка из известной театральной легенды, рассказывающей о постановке «Синей птицы».

Там прямо над сценой была изображена большая Синяя птица как образ Мечты. Взрослые хвалили красочный, затейливый спектакль с большим количеством эффектов. Только ребенок, присутствовавший в зале, никак не мог понять — зачем на сцене так долго и упорно ищут Синюю птицу, когда вот она, здесь, перед носом. Нельзя искать то, что всем видно.

Вот и в спектакле «Лица» время от времени переставь понимать, зачем нужен тот или иной эпизод, как он связан с заявленной в начале темы человеческого единения. Постановочные эффекты, хорошая музыка и множество танцевальных интермедий способны лишь оттянуть момент наступающей неудовлетворенности, но, к сожалению, не способны ее снять.

В чем же причины, скажем мягко, неполной творческой удаче несомненно интересного актерски творческого коллектива с его талантливыми и ярким лидером, каким является Константин Райкин? Попытаемся в этом разобраться.

Возьмем для примера монолог Непримиримой. Поначалу в нем проглядывает и искренность, и жизненная достоверность. Перед нами молодая женщина, которая привыкла жить в одиночку и делать все сама. Она никому не обязана, ни за кого не отвечает и считает, что вполне счастлива. Правда, в ее признании есть воспоминание о том, когда и она была очарована любовью, переживала, плакала, страдала... Казалось бы, вот

тут-то попытаться понять ее, порасспросить, узнать, почему не получилось — нас ведь проблема разединенности интересует, — но нет... Словно боясь копнуть вглубь, авторы спектакля уходят в довольно поверхностную шутку с Шекспиром «наоборот», разыгрываемую долго и излишне подробно, хотя эмансипированные женщины давно уже не ассоциируются с разнузданными мужчинами, как здесь изображаются.

То же можно сказать и о Размышляющем, который оказывается перед выбором: отстаивать свое научное открытие или обеспечить себя квартирой. Перед нами не лица, а типаж, несущие каждый набор привычных черт и почти совсем лишенные индивидуальности. Все они чем-то похожи друг на друга, а еще — на давно знакомые карикатуры из журнала «Крокодил» десятилетней давности.

Возможно, авторы и не пытались показать лица, ограничившись масками. Но беда в том, что маски эти давно знакомы и предложенные их варианты очень мало прибавляют к прежним образам, введенным хотя бы на сцене того же театра.

Все это тем более обидно, что в этом же спектакле существует ряд эпизодов, в которых угадываются истинные возможности авторов и театра в целом. Таков, например, финальный монолог первого акта в исполнении К. Райкина, где звучит и неподдельная тревога, и подлинный лиризм, где тема человеческой разобщенности становится наконец личной темой, а оттого обретает глубину и силу. Немалую роль в удачном звучании этого эпизода играет актерский ансамбль, комментирующий монолог Ведущего лаконичными и хорошо отобранными пластическими штрихами. Таков и эпизод «Свадьба», в котором соблюдено более гармоничное соотношение между лидером и партнерами, чем в целом по спектаклю, а оттого эпизод ярче и разнообразнее

других. Вообще надо отметить, что вне зависимости от удач и просчетов спектакля «Лица» актерская игра и самоотдача каждого из исполнителей обнадеживают. Запоминаются не только те из них, которые ведут диалоги, но и «бессловесные» исполнители, как, например, Л. Тимчуник, обладающий яркой пластикой и актерским азартом. Впрочем, азарт здесь не исключение, а норма для каждого актера.

Трудно сказать, какими будут следующие спектакли этого коллектива. Заявленный ими жанр, в котором музыка, танец, пластика (хореография К. Райкина) отдана не меньшей роль, чем тексту и драматической игре актеров, заметно уходит от привычных канонов Театра — миниатюр. Хочется только пожелать этому коллективу, не растеряв своей творческой энергии, быть более требовательным и точным в выборе темы и ее интерпретации, всегда зная, с чем выходить на сцену, о чем и с каким зрителем разговаривать. А иначе может сложиться ситуация, аналогичная той, которой завершается сегодняшний спектакль: «Свадьба», на которой и песни звучат, и речи произносятся, и стел ложится от яств — только в женстве и невесте забыли...

Поиск своих «лиц» только начинается. Сегодня мы с театром искали их на дискотеке, где эфемерная жизнь и музыка оказались неспособны принести радость ее посетителям и превратиться в праздник души. Оптимистический финал «театральной дискотеки», с ее бравурной музыкой и красочными костюмами по убеждению оказался слабее той, первой — безымянной и однообразной. Сегодня она оказалась сильнее, называя свой ритм спектаклю. Лиц мы так и не увидели. Но мы увидели актеров, которые ищут свое лицо, а это не так уж мало.

Ел. МАРКОВА

© Константин Райкин.

«Лица» ● У НАС НА ГАСТРОЛЯХ В ПОИСКАХ ЛИЦ

всем было хорошо», несмотря на некоторую ее всеобъемлемость и расплывчатость, не может оставить зал равнодушным, мобилизуя чувства зрителей, искренне желающих того же, что и авторы спектакля.

Нам предлагают в безыдной толпе разглядеть лица во всей их человеческой неповторимости.

И вот начинается основное действие спектакля — своеобразный поход за истиной. Один за другим в сценках проходят перед нами посетители дискотеки, давая зрителям нечто вроде интервью. Речи их весьма откровенны: каждый высказывает заветную мысль о том, как добиться всеобщего благополучия.

Вот Шатающийся (арт. А.

утратили все присущие им в прошлом качества, что иллюстрируется «Шекспиром наизнанку» — сценой, где молчаливый Мавра душит за измятую своего тщедушного мужа Давыда.

Случайный посетитель говорит, что путь к единению — в общих трудностях, которых выпало немало на его веку, а то и в общем страхе...

И так далее, и так далее — одна за другой проходят миниатюры, в которых где-то больше, где меньше зритель узнает достаточно типичные лица и достаточно типичные ситуации. А в промежутках — танцы. Но очень скоро начинаешь замечать некоторое странное несоответствие между энергичной, яркой, динамичной внешней формой, которую облачены эпизоды, и